

СООБЩЕНИЯ

И.А. Ревин

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ И ВТОРАЯ РУССКАЯ СМУТА: НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «НАРОД И ВЛАСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ КРИЗИСОВ

В конце 2012 г. вышел в свет новый – уже третий – сборник¹ научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации», нацеленного на глубокое исследование одной из самых актуальных и дискуссионных проблем российского прошлого – взаимоотношениям общества и государства, народа и власти в условиях системных кризисов. В предыдущие два года были изданы первый и второй сборники². Составители и редакторы всех трех сборников – соавторы-зачинатели научного проекта «Народ и власть...» молодые историки Павел Петрович Марченя (редактор проекта) и Сергей Юрьевич Разин (координатор проекта).

Этот научный проект уже «звучал» в отечественной историографии: его круглые столы, семинары и публикации (как в научных журналах, так и в виде сборников материалов) сразу обратили на себя внимание специалистов стремлением к глубокому осмыслению революционного прошлого России с различных, подчас противоположных, позиций. Тот факт, что в российской элите, да и обществе в целом, как отмечают в предисловии к третьему сборнику П.П. Марченя и С.Ю. Разин, «нет единства мнений о былом, а поэтому не может быть искомого компромисса и по поводу грядущего»³, только подчеркивает его научную и общественную значимость.

Привлечение к дискуссии ведущих отечественных специалистов – историков, социологов, правоведов, политологов, философов – делает проект «Народ и власть...» междисциплинарным и фундаментальным. Благодаря ему научное сообщество получило открытую площадку для острых, а потому весьма поучительных споров. Что особенно ценно, публикации проекта свободно доступны в Интернете: они размещаются в Открытом архиве научного информационного пространства «Соционет» (<http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuuj>) и в научной электронной библиотеке журнала «Полис» и Института социологии РАН «Граждан-

ское общество в России» (<http://www.civisbook.ru/pers.html?id=120>; <http://www.civisbook.ru/pers.html?id=121>). При том еще что проект помогает реализовать одну из важнейших практически ориентированных функций истории – прогностическую⁴, – все это, несомненно, будет способствовать его популяризации.

Рассуждая о системности кризисов в России, историки часто наговаривают на мысль о предопределенности выводов. Чем больше исходных точек анализа, тем сложнее выделить общую закономерность их расположения и направления их дальнейшего движения, а, значит, у исследователя появляется соблазн повернуть их в русло нужной концепции (собственной или заимствованной – в данном случае не столь важно), не обременяя себя дополнительными аргументами.

«Разруха в головах» – она, в том числе, и в головах самих ученых. Как философия была «служанкой богословия» и стремилась к свободе, так истории нужно освободиться от господства идеологии. Для русской исторической школы с ее ярко выраженным, гипертрофированным этатизмом это сделать будет нелегко.

В этой связи обращает на себя внимание опубликованная в третьем сборнике работа В.Б. Аксенова о психологии масс накануне революции 1917 г. Автор отмечает, что мистификация общественного сознания затронула все слои населения Российской империи и способствовала делегитимизации власти. «Религиозный кризис и криминализация общества приводили к переоценке многих ценностей, морально-нравственных и общественных устоев. Революция пробуждала в людях жажду деятельности, узаконила идеал человека-революционера»⁵. Черты иррационального мировоззрения и поведения в сознании русского человека присутствовали всегда, но они были скрыты от глаз окружающих, преследовались государством и церковью, порицались обществом. В революционный период они вырвались на поверхность. Почему так произошло – вопрос вопросов.

О причинах крестьянской революции в России первой трети XX в. рассуждает известный историк-аграрник В.В. Бабашкин. Он обобщил основные результаты исследовательского проекта «Крестьянская революция в России 1902 – 1922 гг.» и основное внимание сосредоточил на роли крестьянства в революционном процессе. Автор реанимирует историографический тезис об отсутствии в России накануне «Великого Октября» «капитализма в западном понимании этого слова» и о ведущей роли в революционных событиях самого антикапиталистического сословия – общинных крестьян⁶.

Действительно, о каком капитализме в чистом виде может идти речь, если большинство крестьян по-прежнему испытывали полуфеодалное давление со стороны бывших владельцев, государства, разбогатевших общинников? Скажем, в Области войска Донского, где капиталистиче-

ские отношения получили большее распространение, многие крестьяне вынужденно арендовали землю казаков для прокормления собственных семей, а не для получения прибыли. Казаки же своей поголовной военной службой несли фактически феодальные (вассальные) повинности государству. Распространение на коренных донских крестьян всеобщей воинской повинности, по мнению самих крестьян, ставило их вровень с казаками. Обеспеченность крестьянских хозяйств землей была в 3–4 раза меньше, чем казачьих, поэтому они стали требовать уравнивания в правах с другими сословиями. Однако это произойдет слишком поздно: только 2(15) декабря 1917 г. атаман А.М. Каледин решился на создание паритетного войскового правительства. А Большой войсковой круг примет «Положение о принудительном отчуждении частновладельческих (помещичьих, офицерских, дворянских и др.), церковных и монастырских земель в войсковой земельный фонд» только в августе 1918 г. Отметим, что речь не шла о национализации – предполагалась раздача земли мало-земельным казакам и коренным донским крестьянам (при условии, что они не участвовали в борьбе против казачества). Иногородние крестьяне в законе не упоминались вообще, и, как следствие, эта самая революционно настроенная часть крестьянства продолжила борьбу за землю.

В этой связи отметим: заключение В.В. Бабашкина о том, что «в пореформенное сорокалетие максималистски понимаемая крестьянами свобода превращается у них в революционную идею»⁷ – абсолютно справедливо. Однако, борясь с властью, крестьяне не знали, что с ней делать, впрочем, как и другие революционные силы. Отсюда – решение сиюминутных задач, которые носили ситуативный характер. Главное – земля. Отсюда – массовое распространение самозавлада дворянских земель без ликвидации политического строя. А вот борьба политических сил за крестьян в годы революции – это, скорее, стремление получить контроль над армией. Как в период Смуты начала XVII в. законные цари и самозванцы боролись за влияние на казаков и земское ополчение, а в эпоху дворцовых переворотов придворные группировки – за расположение гвардии, так в 1917 г. развернулась «битва за бойца», победу в которой одержали большевики.

Крестьянин сам по себе не опасен – опасен вооруженный крестьянин, ибо эмоционально-психологический настрой «человека с ружьем» не приемлет компромиссов. Стремясь решить все «здесь и сейчас», он одним выстрелом способен развязать кровавую бойню. Отсюда – предопределенность Гражданской войны, ибо слишком радикальные шаги крестьян (выраженные эсерами, а затем большевиками) изначально вели к формированию антибольшевистского лагеря из весьма разрозненных социальных и политических групп (монархисты, националисты, казаки, помещики, офицеры). То, насколько серьезными были эти противоречия, на примере временного и непрочного союза Добровольческой армии и

Донского казачьего войска в конце 1917 – начале 1918 гг. подробно проиллюстрировал С.В. Карпенко: «Этот неудачный и трагический опыт показывает, сколь глубоким был революционный раскол российского общества, столь всеобщим – развал российской государственности, сколь неодолимым – разрушительный напор новой русской смуты»⁸.

«Архитектура взаимоотношений крестьянства и власти в России», «неудобный» для «отечественного исторического сообщества» аграрный вопрос применительно к 1917 г. стали объектом внимания Д.И. Люкшина. В последние два десятилетия аграрной историей, по его оценке, занимались больше по инерции ученые старшего (еще советского) поколения, и – надо отдать им должное – весьма продуктивно. Падение идеологического гнета привело к отказу от классово-экономического детерминизма в рассмотрении крестьянской проблематики, а накопленный статистический и фактологический материал позволил выдвинуть новые гипотезы и теории. Среди молодых историков научный интерес к крестьяноведению существенно ниже, что обусловлено, главным образом, многообразием новых направлений исторического познания. (В этой связи отметим, что в рамках научного проекта «Народ и власть...» также осуществляется комплексная попытка возрождения и развития лучших традиций отечественного крестьяноведения⁹). Автор констатирует, что современное крестьяноведение больше опирается на накопленную в предшествующий период источниковую базу, чем расширяет ее за счет ввода в научный оборот новых архивных документов.

Интересен вывод Д.И. Люкшина о роли дезертиров в революционном движении начала XX в.: «именно дезертиры и отпусники выступили зачинщиками первых крестьянских беспорядков»¹⁰. Это объясняет высокую степень деморализации русской армии в период Первой мировой войны, что стало важным фактором распространения революции. В центральных губерниях страны сил Отдельного корпуса жандармов для ликвидации крестьянских выступлений явно не хватало, а широко привлекать к подавлению «бунтов» армейские части власти побаивались. Так, в Области войска Донского эти функции выполняли казаки, и их действия только обостряли и без того накаленные донельзя сословные противоречия с крестьянством, во многом обусловившие жестокость Гражданской войны на Дону.

В.П. Булдаков посвятил свою работу проблеме мифологизации революций в историографическом контексте. Главная причина, порождающая мифотворчество, по мнению автора, кроется в том, что «историю всякой революции следовало бы изучать с позиций синергетики, а не прогрессистского видения истории, твердо усвоив, что в сложноорганизованных системах все взаимосвязано» и что видовая особенность российской историографии заключается в неумении отпочковаться от

мифа¹¹. Действительно, в России как никакой другой стране история стала «служанкой идеологии», и эту ее функцию осуществляют сотни (если не тысячи) «прислужников». В.П. Булдаков рассматривает некоторые наиболее одиозные «труды», в частности многочисленные публикации М. Веллера и В. Мединского.

Вывод В.П. Булдакова о том, что «действует целая PR-фабрика по производству государственно востребованных мифов»¹², подтверждают и работы других авторы проекта.

Собственно феноменологии революции посвящена работа П.П. Марченя. В свойственной автору манере выделены и обобщены «историографически недоосмысленные пласты» русской революции (по каждому из них оригинальная авторская точка зрения представлена в отдельных публикациях: женское начало в Русской смуте¹³, пьяные погромы в 1917 г.¹⁴, российская многопартийность как фактор смуты¹⁵, массовое правосознание как доминанта смуты и революции в России¹⁶).

Автор не объяснил критерии вычленения этих направлений, не обозначил иерархичность их влияния на революционные события. Он лишь констатировал, что факторов смуты и революции много больше. На наш взгляд, этот перечень следует дополнить как минимум еще двумя: переоценка традиционной системы ценностей и деморализация армии.

Думается, стоит согласиться с мнением П.П. Марчени о том, что Февраль и Октябрь не только остаются полюсами общественно-политической жизни России в ее смутные времена – они задают смысловые координаты, в рамках которых строится современное «проективное россиеведение», вычерчиваются различные варианты траектории «Русского пути»¹⁷.

О необходимости теоретического обоснования революционности России рассуждает А.И. Фурсов, считая, что «научный факт есть эмпирический факт, включенный в рамки той или иной теории; вне теории есть только эмпирические наблюдения, за которыми скрывается... плохая теория»¹⁸. По его мнению, «слабое понимание собственной природы, собственного народа («общества») и отношений с ним – характерная черта всех исторических систем власти в России»¹⁹. Очевидно, что ключевой – и притом «бездонной» – проблемой здесь является раскол между элитой и обществом, «правителями» и «управляемыми», «верхами» и «низами».

Историческим альтернативам революции посвящена работа А.В. Чертищева. Он предлагает пересмотреть историческую оценку революции 1905–1907 гг. Соглашаясь с мнением Ю.С. Пивоварова, автор считает, что главная удача этой революции состояла том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, но не победой одной из этих двух

сил. Правда, возникает сомнение в том, что «это был в высшей степени взаимовыгодный компромисс власти и общества»²⁰, так как дальнейшее развитие событий показало неспособность власти решить назревшие проблемы эволюционным путем. (Попутно отметим, что отдельными авторами проекта «Народ и власть...» вся Первая русская революция и последующее развитие революционных событий рассматриваются в контексте органического антагонизма либеральной альтернативы и крестьянской России²¹). Ограниченный и противоречивый характер преобразований (прежде всего в аграрной сфере) и привел Россию к революции 1917 г.

В итоге аграрной реформы П.А. Столыпина даже в относительно хорошо обеспеченной землей Области войска Донского не только не прекратилась, но еще более обострилась борьба против помещиков в сочетании с борьбой между крестьянской беднотой и кулачеством (так, в 1915 г. в поселке Больше-Каменском Таганрогского округа имел место массовый погром кулацких хозяйств). Политика насильственного разрушения общины и насаждения хуторских и отрубных хозяйств наталкивалась на растущее сопротивление крестьян Дона. В ряде мест они не допускали землемеров к проведению землемерных работ, выступая против несправедливого выделения отрубов, которое лишило сельские общества лугов, водоемов, свободного проезда. Это вело к агрессии против отрубщиков и хуторян, в которых крестьяне видели главный источник своих бед.

Столыпинская реформа в полной мере не сгладила остроты аграрного вопроса. Около четверти всех хозяйств Области войска Донского не имели посевов, около трети не имели сельскохозяйственного инвентаря, а примерно 1/6 часть – не имели никакого скота. Казачество, в сравнении с крестьянами, находилось в лучшем положении, но и среди казаков было немало бедняцких хозяйств. Более того, 21 % крестьянских хозяйств принадлежало более 75% всей наделной и купчей земли крестьян, тогда как на долю 79 % хозяйств приходилось менее 25% всей земельной площади, принадлежавшей крестьянскому населению области. По данным переписи 1917 г., 15 652 (10,23 %) донских крестьянских хозяйств были безземельными, 68 тыс. (44,44 %) имели менее 4 дес. земли, 39 тыс. (25,49 %) имели 4–10 дес., 30 348 (19,83 %) – от 10 до 100 дес. земли²². В сознании крестьянина земля – кормилица. Поэтому смысл его жизнедеятельности заключается в развитии хозяйства любыми доступными средствами, в том числе противозаконными, но воспринимаемые крестьянским миром как справедливые.

По подсчетам Л.И. Футорянского, в волостях приписных крестьян без земли насчитывалось 13 446, посторонних – 20 320 хозяйств, а всего

на Дону было 86 590 безземельных хозяйств. Примерно половина из них не нуждалась в земле и давно занималась разными промыслами (43 295 хозяйств)²³. Войсковая запасная земля составляла 12 807 101 дес. (15,1% всей земли), чиновникам и офицерам принадлежало 1 193 316 дес. (9,3%). И если разделить всю эту землю на количество нуждающихся в ней хозяйств, то получим по 45 дес. на хозяйство. Средняцким хозяйствам требовалось по 22,5 дес. на двор, поэтому земельный вопрос на Дону можно было решить без конфискации станичных земель. Однако на перераспределение помещичьих земель войсковое правительство решится только летом 1918 г.

А.В. Чертищев прав, заключая, что «искусственно задержанная эволюция обязательно превращается в будущую революцию, как и особенности самого эволюционного развития России»²⁴.

Вторая часть сборника представляет собой подробное изложение выступлений на круглом столе «Народ и власть в российской смуте», состоявшемся 23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН (ранее материалы этой большой и важной дискуссии публиковались лишь частично²⁵). В ней нашли отражение основные историографические и методологические пробелы изучения революций.

Интересной и требующей трезвого обдумывания представляется позиция П.П. Марчени и С.Ю. Разина по поводу методологии разделения понятий смуты и революции с точки зрения «социологического функционализма»²⁶. Дискуссионным выглядит и их тезис о том, что смуты бывают только в империях, в то время как революции могут происходить в любых государствах²⁷.

Системность революционных кризисов и их всеобъемлющий характер позволяют приступать к их анализу с любой стороны. И достоинство сборника (как и проекта «Народ и власть...» в целом) состоит в том, что в работах многих участников проекта можно найти ответы на поставленные в ходе обсуждения вопросы.

Примечания

¹ Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сборник научных статей (к 95-летию Февраля – Октября 1917 г.). М., 2012.

Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii: Sbornik nauchnykh statey (k 95-letiyu Fevralya – Oktyabrya 1917 g.). Moscow, 2012.

² Народ и власть в российской смуте: Сборник научных статей участников Международного круглого стола. М., 2010; Крестьянство и власть в истории России XX века: Сборник научных статей участников Международного круглого стола. М., 2011.

Narod i vlast v rossiyskoy smute: Sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola. Moscow, 2010; Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka: Sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola Moscow, 2011.

³ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Вместо введения: От авторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» // Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 10–11.

Marchenya P.P., Razin S.Yu. Vmesto vvedeniya: Ot avtorov nauchnogo proekta “Narod i vlast: Istoriya Rossii i ee falsifikatsii” // Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 10–11.

⁴ *Марченя П.П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // История в подробностях. 2010. № 5. С. 86–91.

Marchenya P.P. “Smuta” kak problema otechestvennoy istorii: Chemu uchut sistemnye krizisy Rossii? // Istoriya v podrobnostyakh. 2010. No. 5. P. 86–91.

⁵ *Аксенов В.Б.* Политическая семиосфера и психологическая динамика российского общества в 1914–1917 гг.: От мистификации общественного сознания к революционному психозу // Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 34.

Aksenov V.B. Politicheskaya semiosfera i psikhologicheskaya dinamika rossiyskogo obshchestva v 1914–1917 gg.: Ot mistifikatsii obshchestvennogo soznaniya k revolyutsionnomu psikhozu // Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 34.

⁶ *Бабашкин В.В.* Два большевизма, или место Октября в Русской революции // Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 37–38.

Babashkin V.V. Dva bolshevizma, ili mesto Oktyabrya v Russkoy revolyutsii // Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 37–38.

⁷ Там же. С. 52–53.

Ibidem. P. 52–53.

⁸ *Карпенко С.В.* Добровольческая армия и Донское казачье войско в конце 1917 – начале 1918 гг.: Несостоявшийся союз // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 170; *Карпенко С.В.* Добровольческая армия и казачий «Юго-Восточный союз»: Разные пути возрождения России // Обозреватель–Observer. 2012. № 10. С. 118.

Karpenko S.V. Dobrovolcheskaya armiya i Donskoe kazache voysko v kontse 1917 – nachale 1918 gg.: Nesostoyavshiysoyuz // Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 170; *Karpenko S.V.* Dobrovolcheskaya armiya i kazachiy “Yugo-Vostochnyy soyuz”: Raznye puti vrozozhdeniya Rossii // Obozrevatel–Observer. 2012. No. 10. P. 118.

⁹ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 161–171; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 173–184; *Марченя П.П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? // История в подробностях. 2010. № 6. С. 88–96; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 18–25; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель–Observer. 2011. № 11. С. 30–44; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в

истории России XX века» // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 355–360; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: Первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С. 217–219.

Marchenya P.P., Razin S.Yu. Mezhdunarodny krugly stol “Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka»: 1-ya chast // *Vlast*. 2011. No. 8. P. 161–171; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka”: 2-ya chast // *Vlast*. 2011. No. 9. P. 173–184; *Marchenya P.P.* Krestyanin i Imperiya: est li smysl u “russkogo bunta”? // *Istoriya v podrobnostyakh*. 2010. No. 6. P. 88–96; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Krestyanstvo i vlast kak “dve Rossii” // *Obozrevatel–Observer*. 2011. No. 9. P. 18–25; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Krestyanskiy vopros kak faktor rossiyskikh reform i revolyutsiy // *Obozrevatel–Observer*. 2011. No. 11. P. 30–44; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Krestyanovedenie kak rossievedenie (diskussii kruglogo stola “Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka”) // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2012. No. 3. P. 355–360; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Agrarnyy vopros i russkaya revolyutsiya: Pervoe zasedanie teoreticheskogo seminar “Krestyanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii” // *Rossiyskaya istoriya*. 2012. No. 5. P. 217–219.

¹⁰ *Люкшин Д.И.* Деревня Семнадцатого года: Сотворение периферии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 184.

Lyukshin D.I. Derevnya Semnadsatogo goda: Sotvorenie periferii // *Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 184.

¹¹ *Булдаков В.П.* Революция и мифотворчество: Коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 60–62.

Buldakov V.P. Revolyutsiya i mifotvorchestvo: Kollizii sovremennogo istoricheskogo voobrazheniya // *Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 60–62.

¹² Там же. С. 78.

Ibidem. P. 78.

¹³ *Марченя П.П.* Баба и Смута: К мифу о «не женском лице войны» и прочих социальных бед // История в подробностях. 2012. № 11. С. 82–89.

Marchenya P.P. Baba i Smuta: K mifu o «ne zhenskomo litse voynny» i prochikh sotsialnykh bed // *Istoriya v podrobnostyakh*. 2012. No. 11. P. 82–89.

¹⁴ *Марченя П.П.* «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: Алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–43; *Марченя П.П.* Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1. С. 84–95.

Marchenya P.P. “Zelenyy zmiy” na sluzhbe “Krasnoy smuty”: Alkohol i pyanye pogromy ot Fevralya k Oktyabryu 1917-go // *Istoriya v podrobnostyakh*. 2010. No. 4. P. 30–43; *Marchenya P.P.* Pyanye pogromy i borba za vlast v 1917 g. // *Novy istorichesky vestnik*. 2008. No. 1. P. 84–95.

¹⁵ *Марченя П.П.* Политические партии и массы в России 1917 года: Массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 82–99; *Марченя П.П.* Массы и партии в 1917 году: Массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2. С. 64–78.

Marchenya P.P. Politicheskie partii i massy v Rossii 1917 goda: massovoe soznanie kak faktor revolyutsii // *Rossiya i sovremennyy mir*. 2008. No. 4. P. 82–99; *Marchenya P.P.* Massy i

partii v 1917 godu: Massovoe soznanie kak dominanta russkoy revolyutsii // *Novy istorichesky vestnik*. 2008. No. 2. P. 64–78.

¹⁶ *Марченя П.П.* Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // *Вестник РГГУ*. 2009. № 17. С. 212–227; *Марченя П.П.* О полидисциплинарном подходе к изучению места и роли масс в истории // *Вестник РГГУ*. 2012. № 4. С. 261–275; *Марченя П.П.* Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // *История государства и права*. 2010. № 19. С. 20–22.

Marchenya P.P. Izuchenie massovogo soznaniya revolyutsionnoy epokhi 1917 g. v otechestvennoy istoricheskoy nauke // *Vestnik RGGU*. 2009. No. 17. P. 212–227; *Marchenya P.P.* O polidistsiplinarnom podkhode k izucheniyu mesta i roli mass v istorii // *Vestnik RGGU*. 2012. No. 4. P. 261–275; *Marchenya P.P.* Massovoe pravosochnanie kak faktor russkoy revolyutsii 1917 g. // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2010. No. 19. P. 20–22.

¹⁷ *Марченя П.П.* Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. С. 215; *Марченя П.П.* «Февраль» и «Октябрь» в российском календаре // *Научный диалог*. 2013. № 1. С. 21–34.

Marchenya P.P. Bessmyslennost i smysl Russkoy revolyutsii: Fevral i Oktyabr v istorii Rossii // *Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 215; *Marchenya P.P.* “Fevral” i “Oktyabr” v rossiyskom kalendare // *Nauchny dialog*. 2013. No. 1. P. 21–34.

¹⁸ *Фурсов А.И.* Народ, власть и смута в России: Размышления на полях одной дискуссии // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. С. 239.

Fursov A.I. Narod, vlast i smuta v Rossii: Razmyshleniya na polyakh odnoy diskussii // *Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 239.

¹⁹ Там же. С. 221.

Ibidem. P. 221.

²⁰ *Чертищев А.В.* Революция: Возможности и реальность сдерживания // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. С. 268.

Chertishchev A.V. Revolyutsiya: Vozmozhnosti i realnost sderzhivaniya // *Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 268.

²¹ *Разин С.Ю.* Крестьянство Среднего Поволжья и политические партии в революции 1905–1907 гг. // *Новый исторический вестник*. 2008. № 2. С. 57–63.

Razin S.Yu. Krestyanstvo Srednego Povolzhya i politicheskie partii v revolyutsii 1905–1907 gg. // *Novy istorichesky vestnik*. 2008. No. 2. P. 57–63.

²² *Наш край: Документы по истории Донской области: XVIII – начало XX века*. Ростов н/Д., 1963. С. 302.

Nash kray: Dokumenty po istorii Donskoy oblasti: XVIII – nachalo XX veka. Rostov on Don, 1963. P. 302.

²³ *Футорянский Л.И.* Подворное обследование всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи на Дону в 1917 г. // *Взаимодействие народов и культур на Юге России: История и современность*. Ростов н/Д., 2008. С. 282.

Futoryanskiy L.I. Podvornoe obsledovanie vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy i pozemelnoy perepisi na Donu v 1917 g. // *Vzaimodeystvie narodov i kultur na Yuge Rossii: Istoriya i sovremennost*. Rostov on Don, 2008. P. 282.

²⁴ *Чертищев А.В.* Указ. соч. С. 277.

Chertishchev A.V. Op. cit. P. 277.

²⁵ *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // *Власть*. 2010. № 4. С. 14–17; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // *Власть*. 2010. № 5. С. 10–14; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // *Власть*. 2010. № 6. С. 13–17; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // *Власть*. 2010. № 7. С. 9–14; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // *Власть*. 2010. № 8. С. 9–13; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // *Власть*. 2010. № 9. С. 16–21; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Народ и власть в российской смуте»: Прошлое и настоящее системных кризисов в России // *Вестник архивиста*. 2010. № 3. С. 288–302; *Разин С.Ю.* «Перестройка» и «Смута» на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // *Федерализм*. 2010. № 2. С. 223–234.

Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu. Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 1-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 4. P. 14–17; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 2-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 5. P. 10–14; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 3-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 6. P. 13–17; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 4-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 7. P. 9–14; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 5-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 8. P. 9–13; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 6-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 9. P. 16–21; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* “Narod i vlast v rossiyskoy smute»: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov v Rossii // *Vestnik arkhivista*. 2010. No. 3. P. 288–302; *Razin S.Yu.* “Perestroyka” i “Smuta” na Mezhdunarodnom kruglom stole “Narod i vlast v rossiyskoy smute” // *Federalizm*. 2010. No. 2. P. 223–234.

²⁶ Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 329.

Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 329.

²⁷ Там же. С. 328.

Ibidem. P. 328.